

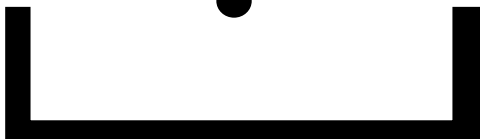
**ХЬЮБЕРТ
СЕЛБИ-МЛ.**

HUBERT
SELBY JR.

**REQUIEM FOR
A DREAM**

**ХЬЮБЕРТ
СЕЛБИ-МЛ.**

**РЕКВИЕМ
ПО МЕЧТЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
С29

Серия «От битника до Паланика»

Hubert Selby Jr.
REQUIEM FOR A DREAM

Перевод с английского *В. Осовского*
Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств Sobel Weber Associates, Inc.
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Книга содержит нецензурную брань

Селби-мл., Хьюберт.

С29 Реквием по мечте : [роман] / Хьюберт Селби-мл. ; [перевод с английского В. Осовского]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-133035-4

Впервые «Реквием по мечте» был опубликован в 1978 году. Книга повествует о судьбах четырех жителей Нью-Йорка, которые, не в силах выдержать разницу между мечтами об идеальной жизни и реальным миром, ищут утешения в иллюзорных эрзац-заменителях. Главным героем романа, по мысли автора, является Зависимость, а сама книга — манифестом триумфа Зависимости над человеческим духом. Это реквием по всем тем, кто предал жизнь для радужной иллюзии и потерял в себе Человека.

Экранизация «Реквиема по мечте» состоялась в 2001 году. Фильм был номинирован на премии «Оскар» и «Золотой глобус».

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Estate of Hubert Selby, Jr., 2004
© Перевод. В. Осовский, 2019
ISBN 978-5-17-133035-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ВВЕДЕНИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

«Реквием по мечте» впервые был опубликован в 1978 году. Очень приятно, что эта книга до сих пор продается и готовится ее новое издание. По книге также снимается фильм, так что она живет и дышит (как и я).

Есть нечто прекрасное и горькое в том, что все это происходит именно сейчас, во время «невиданного процветания», когда для многих Американская Мечта становится явью. Разумеется, лично я считаю, что стремление к Американской Мечте не только бесполезное, но и опасное занятие, поскольку в конце концов она разрушает все и всех, кто имеет к этому отношение. Так и должно быть по определению, потому что она питает чем угодно, кроме самых важных вещей: честности, нравственности, истины, — наши сердца и души. Почему? Потому, что Жизнь/жизнь существует для того, чтобы давать, а не получать.

Я не предлагаю отдать все бедным и бездомным — а их миллионы среди повального изобилия, — облачиться в рубище и пойти по улице с чашей для подаяний. Это, в сущности, не многим отличается от стяжательства. Я не боюсь денег и всего того, что на них можно купить. Я не прочь иметь дом, набитый всякой всячиной, — хотя для начала мне следовало бы обзавестись домом. Я голодал и не вижу в голоде ничего благородного. Так же как не вижу ничего благородного в обжиралове, хотя быть сытым все же лучше, чем голодать. Тем не менее верить в то, что погоня за вещами есть цель жизни, — безумие.

Мне кажется, у каждого из нас есть личная мечта, индивидуальное Видение, собственный способ отдавать, но по многим причинам мы боимся идти этим путем или вообще признать и принять его существование. Однако отрицать

свое Видение — значит продать душу. Получать не отдавая — значит жить ложью, отрицая истину, тогда как Видение есть отблеск истины: понятное дело, ничто извне не может на самом деле подпитывать мой внутренний мир, мое Видение.

Что произойдет, если я повернусь спиной к своему Видению и стану тратить время и энергию на достижение того, что предлагает Американская Мечта? Я стану нервным, мне будет некомфортно в собственной шкуре, потому что вина за то, что я предал свое «я», оставил свое Видение, вынудит меня оправдывать собственное существование, то есть самоутверждаться, подходя к жизни как к вечному состязанию. Я буду приобретать снова и снова, чтобы усмирять и ублажать смутное ощущение пустоты, грызущее меня изнутри.

Конечно, не каждый испытывает муки такого рода, но многие страдают, хотя не понимают, что именно их гложет. Уверен, у психологов есть специальный термин, определяющий такого рода расстройство, но важна причина, а не классификация. В мире миллионы людей, которым сходят с рук отвратительные дела, и они процветают. Именно так все выглядит на первый взгляд. И все же я знаю абсолютно точно по собственному опыту, что в этой жизни бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и в конце концов нам всем придется сполна ответить за все свои поступки, за действие и за бездействие.

Эта книга о четырех людях, преследовавших Американскую Мечту, и о результатах этой погони. Они не видели разницы между Видением в их сердцах и иллюзией Американской Мечты. В результате все ценное, что у них имелось, было утеряно.

К сожалению, я подозреваю, что реквиема по этой мечте не будет никогда, потому что она уничтожит нас до того, как мы получим возможность оплакать ее уход. Возможно, время докажет, что я ошибался. Как сказал Хемингуэй: «Этим ведь можно утешиться, правда?»

*Хьюберт Селби-младший
Лос-Анджелес, 1999*

*Эта книга с любовью посвящается Бобби,
который нашел единственный источник чистоты —
веру в любящего нас Господа.*

Гарри запер мать в шкафу. Гарольд. Пожалуйста. Только не забирай снова телевизор. Хорошо, хорошо, открыл дверь Гарри, тогда перестань издеваться надо мной. Он направился к телевизору. И не лезь ко мне. Он выдернул шнур из розетки и отключил телескопическую антенну. Сара вернулась в шкаф и закрыла дверь. Некоторое время Гарри смотрел на шкаф. Хорошо, сиди там. Он покатиł телевизор на подставке, в какой-то момент едва не уронив его, когда подставка дернулась и резко остановилась. Что за черт? Он посмотрел вниз и увидел велосипедную цепь, идущую из металлической скобы на боку ящика к трубе радиатора. Он уставился на чулан. И что это ты делаешь, а? Что еще за цепь? Хочешь, чтобы я сломал телевизор моей собственной матери? Или радиатор? — она молча сидела на полу шкафа, — а может, вообще взорвать к черту весь дом? Хочешь меня убийцей сделать? Собственного сына? Твою плоть и кровь? ЧТО ТЫ СО МНОЙ ДЕЛАЕШЬ???? Гарри стоял перед чуланом. С ТВОИМ СОБСТВЕННЫМ СЫНОМ!!!! Маленький ключ медленно выполз из-под дверцы шкафа. Гарри поддел его ногтем и вытащил. Почему тебе так нравится играть на моих чувствах, черт побери, постоянно взваливать на меня груз вины? Неужели у тебя нет вообще никакого уважения к моим чувствам? Почему тебе все время нужно осложнять мне жизнь? Почему... Гарольд, я не хотела. Эта цепь не для тебя. Для грабителей. Тогда почему ты мне не сказала? Телевизор чуть не опрокинулся. У меня разрыв сердца мог быть. Сара в темноте покачала

головой. Все в порядке, Гарольд. Тогда почему ты не выйдешь? Гарри тянет на себя дверь, дергает ручку, но дверь закрыта изнутри. Гарри поднимает в отчаянном жесте руки. Ну что я говорил? Видишь, как ты меня постоянно расстраиваешь? Он подошел к телевизору и снял цепь, потом снова повернулся к шкафу. Зачем поднимать из-за этого столько шума? А? Просто чтобы взвалить на меня груз вины, так? Так????? — Сара продолжала раскачиваться взад-вперед — ты же знаешь, что получишь телик обратно через пару часов, но тебе обязательно надо заставить меня мучиться виной. Он смотрел на шкаф — Сара молчала и продолжала раскачиваться — он махнул рукой, а, черт с ним, и стал осторожно толкать подставку с телевизором к выходу из квартиры.

Сара слышала, как мимо нее провезли телевизор, как открылась и захлопнулась дверь, но так и осталась сидеть, покачиваясь с закрытыми глазами. Всего этого не было. Она этого не видела, значит, этого не происходило. Она сказала своему мужу Сеймуре, умершему несколько лет назад, что ничего этого не было. А если и было, то не стоит беспокоиться, Сеймур, все снова будет в порядке. Это вроде рекламной паузы. Вскоре передача продолжится, и ты увидишь, Сеймур, все будет хорошо. Все получится. Вот увидишь, в конце все будет хорошо.

Партнер Гарри, черный парень по имени Тайрон Си Лав — точно, братан, так меня и зовут, и я не люблю никого, кроме Тайрона Си, — ждал его в коридоре, жуя «сникерс». Вдвоем они без проблем вытащили телевизор на улицу, Гарри здороваются со всеми греющимися на солнышке *yentas*. Теперь самое трудное. Нужно протолкать столик на колесиках с телевизором три квартала до ломбарда, стараясь уберечься от кидалова, от малолетних

придурков, которые могли опрокинуть его, от дыр в асфальте, куда могло попасть колесо, куч мусора, плюс долбаный столик мог просто развалиться — и все это не теряя терпения и упорства. Тайрон придерживал телевизор, а Гарри толкал столик-подставку, Тайрон был и впередсмотрящим, предупреждая о попадающихся на пути кучах бумаги и мешков с мусором, которые угрожали благополучному завершению их миссии. Они взялись за разные концы столика и, приподняв его, перенесли через бордюр и на другую сторону улицы. Тайрон склонил голову и оглядел телевизор. Черт, эта хрень выглядит стремновато, чувак. Чего это вдруг? Эй, детка, да мне наплевать, даже если из него волосы полезут, лишь бы мы бабло за него получили.

Мистер Рабинович покачал головой, увидев, как они вкатывают телевизор в его ломбард. Смотри-ка, и столик тоже. Эй, чего вы от меня хотите? Не на спине же мне его тащить. У тебя есть друг, он тебе пусть поможет. Эй, мужик, я тебе не *schlepper*. Гарри усмехнулся и покачал головой: каков жид, а? Ладно, так будет легче отвезти его обратно домой. Вот это мой чувак, всегда о маме беспокоится. Ай, какой сын, *goniff*. Ты ей нужен как рыбе зонтик. Хватит, Эйб, мы спешим. Просто дай нам денег. Спешим, спешим. Всегда куда-то спешим, неторопливое возвращение за прилавок, придирчивый осмотр каждого карандаша... Прямо такие важные дела, что мир развалится, если их срочно не решить. Он пощелкал языком, покачал головой, медленно пересчитал деньги... потом еще раз... и еще... — Эй, перестань, Эйб, давай побыстрее. Что это за прикол такой, брат? Он слюнит пальцы и считает снова и снова, будто на них цифры поменяются. Он даже себе не верит, блин.

Мистер Рабинович отдал деньги, и Гарри расписался в книге. Сделайте одолжение, откатите его вон туда.

Чиерт, знаешь, братка, каждый раз, когда мы встречаемся, моей маленькой красивой заднице приходится здорово попотеть. Они затолкали телевизор в угол и ушли.

Мистер Рабинович посмотрел им вслед, покачал головой, поцокал языком и вздохнул. Что-то не так... не кошерно все это, совсем не кошерно.

Зачем ты хочешь ехать туда, старина? А мне туда зачем? Потому что у них на каждом чеке печать голубая проставлена. Знаешь что, Гарри, ты очень наивный. Тебе надо быть серьезнее, когда ты говоришь о таком важном предмете, как кайф, чувак. Особенно когда речь идет о моем кайфе. На твой мне наплевать. На свой нет. А что самое лучшее в кайфе? В каком смысле, старик? У них здесь не меньше связей, чем там. Мы можем даже попробовать что-нибудь новенькое. Новенькое? Да, детка. Мы просто могли бы перейти улицу и посмотреть, кто больше всех почесывается и заливает, и тут же станет ясно, где самый реальный перец, такой, от которого крышу срывает, братишка. Да и на такси сэкономим. Такси? Тебе что, наследство обломилось? Эти бабки пойдут только на кайф, а не на какое-то там сраное такси. Сначала заботятся о вещах первой необходимости, а потом уже думают о роскоши.

Бля. Ты думаешь, я поеду в сраном метро вместе с всякими извращенцами и алкашами? Охренеть. У тебя совсем с головой непорядок. Тебя кинут, и двух станций не успеешь проехать. Эй, чувак, только не надо прикидываться типичным черножопым лентяем джо. Тайрон хохотнул, брат, если мне все же придется-таки ехать в метро, то давай уж тогда я позвоню моему приятелю Бродуи, и посмотрим, что у него имеется. Дай монетку. Да ты охренел, с каких это пор нам нужна медь, чтобы позвонить. Эй, детка, я не вяжусь с телефонными компаниями.

Гарри, прислонившись, стоял у будки, пока Тайрон заговорщицки что-то шептал в телефонную трубку. Примерно через минуту Тайрон повесил трубку и вышел из будки с широкой ухмылкой на лице. Эй, чувак, закрой пасть, глазам больно. Засранец бледножопый. Уж ты-то точно сдох бы на любом хлопковом поле. Гарри догнал Тайрона и зашагал рядом. Какие новости? У моего человека не гера, а динамит, детка, и мы купим у него ложку. Они раздельно поднялись по лестнице из подземки на улицу. Гарри огляделся по сторонам, отстав от шедшего по улице Тайрона, потом зашел в ближайшую кафешку. Это был натуральный черный район. Даже легавые в штатском были черными. Гарри всегда чувствовал себя неуютно в этой забегаловке, где пил черный кофе с шоколадным пончиком. Это было единственным неприятным моментом в замутах через Броуди. Обычно у него был порошок отличного качества, но Гарри нельзя было идти дальше кафешки, иначе они спалят всю тему, или, что было не менее паршиво, ему наверняка разобьют башку. Вообще самым умным было остаться в городе, но Гарри невыносима была мысль торчать так далеко от денег и кайфа. А вообще, неприятно сидеть тут и чувствовать, как напрягаются мышцы живота и беспокойство расплзается по телу, но все же в тыщу раз лучше, чем *не* сидеть.

Он заказал еще чашку кофе и еще один пончик, слегка повернувшись на стуле, когда черный, как его пончик, и здоровенный, как хренов грузовик, Мак-коп уселся рядом с ним. Господи Иисусе, везет же мне. Хотел расслабиться и выпить чашку кофе — и тут же ко мне пристраивается этот бабуин. Черт! Он пил свой кофе и смотрел на ствол в кобуре легавого, воображая, что было бы, если бы он внезапно выхватил его и начал палить: бах, бах, снес бы говнюку башку, к свиньям собачьим,

потом кинул деньги на прилавок и сказал бы чиксе, мол, сдачи не надо; или втихую вытащить пистолет и отдать его легавому, сказав, типа, нашел его на полу, не ваше ли; или круче всего — спереть эту хрень и послать по почте его начальнику с запиской, мол, двое ребят спалились с ним, так что он бы получше приглядывал за своими игрушками... Да, это было бы весело, Гарри посмотрел на этого огромного сучару, болтающего с девкой за прилавком и гогочущего, как гиена, и ему стало интересно, что бы подумал легавый, если бы до него доперло, что его жизнь в руках Гарри. Потом Гарри вдруг заметил, что лапа легавого — он держал кружку с кофе — больше, нах, чем баскетбольный мяч, и, заглотив остатки пончика и запив их остатками кофе, вывалился из кафешки, все еще ощущая *гору неприятностей* за спиной, а Тайрон уже вприпрыжку спускался по лестнице в подземку.

Квартира Тайрона была не более чем комната с раковиной. Они сидели за маленьким столом — шприцы, ложки в стакане с розовой от крови водой, — клюя носами, втыкая. Расслабленные пальцы едва удерживают сигареты. Периодически почесываются носы. Голоса севшие и глуховатые. Чиеерт, вот это перец, детка. Просто ди-на-мит. Да, брат, это вещь. Сигарета обожгла Гарри пальцы, и он уронил ее на пол, дерьмо, затем медленно наклонился и с минуту смотрел на нее, потом наконец подобрал окуроч, осмотрел его, медленно достал из пачки новую сигарету, засунул в рот, прикурил ее от старой, бросил окуроч в пепельницу и лизнул обожженное место. Некоторое время он рассматривал носок своего ботинка, затем носок второго ботинка... Выглядели они хорошо, вроде как *мягко*, да — потом его внимание привлек большой таракан, агрессивно промаршировавший мимо, и, пока Гарри решал, не наступить ли на него, таракан исчез за плинтусом. Этот сукин сын запросто мог прогрызть

дыру в моем ботинке. Он с трудом поднял руку с сигаретой и сделал затяжку, глубоко вдохнул дым, ощущая каждую его молекулу, наслаждаясь щекотными ощущениями в горле, божественным вкусом табачного дыма. Есть что-то в героине, что делает сигаретный дым таким офигенно вкусным. Знаешь, что нам нужно сделать, мужик? А? Нам нужно разделить герик пополам, разбодяжить его и половину продать, врубаешься? Да, детка, половины достаточно, чтобы раскумариться в слюни. Точно, мы немного оставим для себя, а остальное сольем. Мы удвоим наши деньги. Легко. Точно, детка. А потом купим еще пару граммов — и понеслась. Это будет круто, братишка. Нам просто надо быть с ним поаккуратней, не торчать постоянно, только иногда, время от времени, чтобы не подсесть, и у нас будет куча бабла уже через пару недель. Могу поспорить на твою сладкую жопку. У нас будет бабла до задницы, просто купаться в деньгах будем, братуха. Точно тебе говорю. И мы не спалимся, как остальные лохи. Мы не подсядем и не завалим дело. Мы будем держать себя в руках и крутить бизнес, быстренько замутим фунтик чистого и будем просто сидеть и считать денежки. И нам не надо будет банчить на улицах. Ты чертовски прав, засранец. Мы возьмем героин напрямую у итальяшек, разбодяжим и расфасуем сами, а продавать за нас будут торчки, у которых из носа кровуха, а сами расслабимся, будем считать бабло и кататься на здоровенном розовом «эльдorado». Ага, а я куплю себе шоферскую униформу и буду возить твою черную жопу по всему городу. И уж постарайся не забывать придерживать дверь, не то я поджарю твой задок... О да, меня зовут Тайрон Си Лав, и я никого не люблю, кроме Тайрона Си. Ну уж я-то точно собираюсь любить не Тайрона Си. Я сниму себе отличную квартиру в районе Сентрал Парка и буду проводить все свободное время, вынюхивая хорошеньких ки-

сок. Блин... А ты не охренеешь? У тебя болт отвалится. Да я просто буду ложиться рядышком и гладить ее дырочку, а иногда покусывать. Бля. Вот стыдоба-то. Этот чувак собирается лежать в хорошей квартирке с хорошенькой лисичкой и тыкаться носом в ее грязную дыру. Да что ты от меня хочешь, ну нравится мне целовать их там. Боже милостивый, ну ты и грязный ублюдок. У вас, евреев, серьезная проблема — вы понятия не имеете, как правильно обращаться с женщинами. Черт, мужик, уж мы-то как раз знаем. Это у вас, африканцев, с хорошими манерами проблемы... Ты чо думаешь, почему у евреев всегда лучшие девочки? С деньгами это не связано. Просто мы любим лизать киски. Чиеерт, да ты просто придурок, чувак. После того как мой портной снимет с меня мерку, чтобы сшить мне еще несколько отличных костюмов, у меня перед квартирой выстроится очередь из таких кисок, что у тебя коленки затрясутся. Это будут очень классные девочки. И каждый день разного оттенка. Как думаешь, сколько времени нам понадобится, чтобы купить фунт чистяка? Блин, чувак. Это ерунда. Просто сначала надо будет немного побанчить самим — и все срастется. К Рождеству мы уже будем считать денежки и трепаться о такой вот ерунде. С Рождеством, брат. Сигарета снова обожгла пальцы Гарри, бля, он снова уронил ее на пол, вот же сука.

Два подростка вошли в ломбард вместе с Сарой. Мистер Рабинович прошаркал навстречу, добрый вечер, миссис Голдфарб. Добрый вечер, мистер Рабинович, хотя я не уверена в том, что он действительно *добрый*. А как вы? Ох, он прикрыл глаза, ссутулился и опустил голову, ну что я могу сказать? Я один в своей лавке, а мой жена пошла на шопинг mit наша дочь Ракель для нашего малыша Иззи, и они все еще не вернулись. На обед я буду

кушать холодный язык, но без ржаного хлеба... нем-ножко редьки и горчица, но без хлеба, ай... Он пожал плечами, покачал головой, и на ужин, наверно, холодный суп, если она не вернется, вы хотите свой телевизор? А сколько уже маленькому Иззи? О, он такой хорошенький, так бы и съел его маленькие пухленькие ножки. Да, если вы не возражаете. Я взяла с собой этих милых молодых людей, чтобы они помогли мне довести телевизор до моей квартиры, — такие милые мальчики, помогают несчастной матери — слава богу, он прикатил его сюда на подставке, нам легче будет доставить его домой. У меня сейчас с собой только три доллара, но на следующей неделе я... Берите, берите, он снова пожимает плечами, опускает голову: я действительно надеюсь, что он не увезет его снова, прежде чем вы заплатите за этот раз, не так, как тогда — он закладывал телевизор уже три раза за месяц, и сколько времени понадобилось, чтобы вам расплатиться? Иззи на следующей неделе уже годик будет, во вторник — о-ооо, вздох Сары был глубоким и долгим, — кажется, еще вчера Ракель играла в куклы, и вот... Сара отдала три доллара, свернутые и припрятанные в блузке, мистеру Рабиновитцу, и он, прошаркав за прилавок, сунул их в кассу, аккуратно сделав пометку в блокнотике с надписью ТВ САРЫ ГОЛДФАРБ на обложке. Все страницы в ней были заполнены колонками цифр и дат за несколько лет, фиксировавшими выдачу денег Гарри, когда тот закладывал телевизор, и суммы, уплаченные его матерью при выкупе. Подростки начали толкать подставку с тележкой к выходу из ломбарда на улицу. Миссис Голдфарб, могу ли я задать вам вопрос — надеюсь, вы не воспримете его слишком лично? Сара пожала плечами: сколько лет мы знаем друг друга? Он покачал головой вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Да уж, и не припомнить. Почему вы не рассказать об этом полиции, может,